

УДК 821.161

Гомон Андрей Михайлович

кандидат филологических наук,

доцент кафедры украинского, русского языков и прикладной лингвистики

Национальный технический университет

«Харьковский политехнический институт»

Gomon Andrey

PhD of Philology, Associate Professor of the Department of

Ukrainian, Russian Languages and Applied Linguistics

National Technical University «Kharkiv Polytechnic Institute»

ДЖОНАТАН СВИФТ В ТВОРЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

JONATHAN SWIFT IN CREATIVE PERCEPTION LEONID ANDREYEV

Аннотация. В статье впервые осуществлен анализ наиболее репрезентативных образцов ранней и поздней прозы Л. Н. Андреева по отношению к Джонатану Свифту в творческом восприятии писателя. На протяжении всего творческого пути Л. Н. Андреев продолжал традиции и новаторство великого английского сатирика.

Ключевые слова: смех, смеховое начало, ирония, гротеск, «черный юмор», абсурд, миф.

Summary. The article analyzes for the first time the most representative examples of early and late prose by L. N. Andreyev in relation to Jonathan Swift in the creative perception of the writer. Throughout his career, L. N. Andreyev continued the tradition and innovation of the great English satirist.

Key words: laughter, laughter beginning, irony, grotesque, «black humor», absurdity, myth.

Творчество Леонида Николаевича Андреева, как и ряда других писателей Серебряного века, в настоящее время вызывает растущий интерес и начинает существенно переосмысливаться и переоцениваться. Можно без преувеличения сказать, что и сегодня, во многом, творчество Леонида Андреева — «сплошной «вопросительный знак»» (А. Луначарский). Это в полной мере можно отнести и к изучению литературного влияния Дж. Свифта и его творческого восприятия Л. Н. Андреевым. Несмотря на существующие исследования И. Москвиной [1], Н. Смоголь [2], М. Телятник [3], остаются не до конца проясненными как особенности андреевского тяготения к гротеску, абсурду и «черному юмору», так и определение специфики художественного воплощения и трансформации традиций и новаторства Дж. Свифта в прозе писателя. Все это является целью и задачами нашей статьи.

Для уяснения смеховой поэтики Андреева, особый интерес представляет острогротескный фельетон «О китайских головах» (1901), посвященный «полному и блестящему решению «проклятого вопроса» <...> сколько нужно китайских голов для торжества справедливости и что с этими головами делать...»

[4, с. 192] (Имеется в виду неблагоприятное участие России в жестокое подавление «боксерского» восстания в Китае в 1900-м году). Так как «подобные задачи <...> с одной таблицей логарифмов в руках да дерзновенностью в сердце <...> не решаются», фельетонист, «в целях прославления европейской дипломатии» [4, с. 193], предлагает свое «решение».

Фельетон «О китайских головах» по своей поэтике очень близок «черному юмору» Дж. Свифта, который «заставляет рассмеяться, сам держась от этого веселья в стороне» [5, с. 30]. Андреев с глубокой симпатией относился к великому английскому сатирику и всегда высоко ценил его творчество: «Посмотрите, как смеется гудоновский Вольтер — умная, злая, ехидная старуха! — и сравните с его смехом *смех беспощадно-холодного Свифта*: словно не человек, а сама логика смеется в строгой последовательности своего нотно-логического искусства!» («О Джеке Лондоне» (1912)) [4, с. 300].

По А. Бретону, «подлинная история «черного юмора» начинается именно со Свифта <...> Свифт также может быть с полным правом назван изобретателем новой разновидности шутки — жестокой и мрачной» [5, с. 29–30]. В духе «черного юмора»

Свифта, классический образец которого английский сатирик дал в своем «Скромном предложении...» (1729), Андреев, стремясь сохранить «свифтовскую», мнимо бесстрастную манеру изложения, «серьез» рассуждает о наиболее гуманных («варвары-китайцы не должны забывать, что имеют дело с христианами...» [4, с. 193]) способах «упразднения» китайских голов. Выбор, предлагаемый фельетонистом, довольно широк: «отделение их от тела топором» (подобный способ представляет «все гарантии прочности», так как полностью устраняет «чисто азиатскую хитрость и коварство, сделав вид, что человек умер, тогда как он жив» [4, с. 194]); более «милосердное» приведение головы «к состоянию небытия посредством тонкой бечевки, туго обвязанной вокруг шеи» [4, с. 192].

Следует допускать и привилегированную возможность для того или иного китайского мандарина «убить себя самому», хотя «для европейского ума звучит крайне дико сообщение о том, что «завтра ожидается самоубийство мандаринов»» [4, с. 195]. Не следует также отказываться и от способа, «какой существует в самом Китае: распиливание мандарина на доски», так как это «чрезвычайно польстило бы национальной гордости китайцев и вместе было бы так же прочно, как обезглавливание: по авторитетному мнению выдающихся немецких физиологов, распиленный на несколько кусков человек не подает никаких признаков жизни» [4, с. 195] и т.п. Впрочем, с точки зрения фельетониста, следует все же отдать предпочтение первым двум способам, так как они обладают еще и тем преимуществом, что при этом «самая тупая китайская голова» проникается «сознанием превосходства европейской морали над азиатской», и как нельзя лучше расположена «к пониманию ужаса смерти» [4, с. 194].

По нашему мнению, своей «головной» тематикой и гротесково-абсурдистской поэтикой фельетон «О китайских головах» восходит не только к памфлетам Свифта, но и произведениям О. Сенковского (повесть «Превращение голов в книги и книг в головы» (1839) и др.) и М. Салтыкова-Щедрина («История одного города» (1870)). Таким образом, тяготение к гротеску, абсурду и «черному юмору» проявилось у писателя уже в самом начале его литературного поприща и позднее талантливо реализовалось в ряде его рассказов, новелл, повестей, а также в итоговом романе-мифе «Дневник Сатаны» (1919).

В фельетоне-памфлете «Смерть Гулливера» (опубликован в декабре 1910-го года) Леонидом Андреевым художественно воплощена «толстовская» тема, восходящая к статье «Как почтить Толстого?» (Биржевые ведомости. 1908. 29 февр.), о предстоящем юбилее великого писателя, и к «Речи о Толстом» (1910). Последняя была написана Андреевым для выступления в Петербургской консерватории 13-го ноября 1910-го года на траурном собрании, посвященном памяти Толстого. Андреев отказался от выступления, так как «не предвидел той совершенно

недопустимой обстановки, при которой означенное собрание состоится <...> ораторы обязуются не говорить ни о Синоде, ни об отношении Льва Николаевича к правительству, ни о его протесте против смертной казни, ни обо всем том <...> что составляет общественную сторону деятельности усопшего <...> а вдохновение ораторов вводится в узенький рукав дозволенного полицией красноречия» [6, с. 200–201].

В «Смерти Гулливера» Андреев в иносказательной форме еще раз откликнулся на смерть Толстого, которого считал гением и чтит как одного из своих учителей, а заодно и отреагировал на неуместную шумиху посмертных чествований Льва Николаевича, поднятую его «почитателями» и «ценителями» и, ввиду запретов и репрессий правительства, зачастую принимавших уродливый характер. «Скверно было последние дни с этим «чествованием памяти Толстого», — писал Андреев А. Серафимовичу, — сколько неподдельного свинства! Я даже скандальную вещь написал: «Смерть Гулливера», но боюсь печатать, уж очень густо» [7, с. 181].

В середине XIX — начале XX века читателями, критиками и публицистами стали интенсивно мифологизироваться как отдельные литературные произведения и их герои (Дон Кихот, Фауст, Гамлет, Дон Жуан, Иван Карамазов и др.), так и сами писатели и их биографии (применительно к России — Пушкин и Достоевский). Образ-миф о «Гулливере и лилипутах» — явление того же порядка.

«Смерть Гулливера» — талантливая стилизация под известный роман Дж. Свифта, на что прямо указывает сюжет и первоначальное подстрочное примечание: «Как бы дополнительная глава к «Путешествиям Гулливера»». В фельетоне повествуется о смерти героя и о том, как это события было воспринято лилипутами: «Весть о смерти Человека-Горы всю страну Лилипуты одела в глубокий траур. Его многочисленные враги и завистники <...> умолкли, удовлетворенные смертью <...> И кучка друзей, вначале весьма небольшая, с каждым днем заметно росла, пока наконец весь народ Лилипуты не превратился в искреннего, громко плачущего друга Гулливера <...> Свободный день, оставшийся для погребения, было решено <...> посвятить чествованию памяти Человека-Горы» [4, с. 305].

Андреев сознательно не берет миф о «Гулливере и лилипутах» вне контекста свифтовского романа, а как бы «дописывает» его (как ранее дописывал Евангелие в «Бен-Товите», «Елеазаре», «Иуде Искариоте», «Нерукотворном образе»), вследствие чего эти бессмертные образы обретают дополнительный смысл и большую весомость («добавления делают миф понятнее» (К. Леви-Стросс)). Уже сам принцип аллегории и контраста, лежащий в основе системы персонажей (Гулливер — лилипуты) и фантастический гротеск, буквально материализующий значительность первого и ничтожество вторых, развивали традиции свифтовской поэтики.

«Смерть Гулливера» — это сатирическое осмеяние всего характера «похоронной кампании» вокруг смерти Толстого. Прежде всего, это *«говорящие шепотом <...> все сразу <...> одно и то же»* ученые-академики Лилипуты (истолкователи-критики, творцы очередного «мифа о Толстом»). Ораторствующие ученые мужи представляют «самые точные таблицы и вычисления роста Гулливера, объема его тела и предполагаемого веса» и делают «авторитетный» однозначный вывод: «Человек-Гора был замечателен тем, что обладал *очень большим ростом* и соответствующей *силой* <...> причина такого роста <...> неизвестна и такой останется навсегда <...> сила остается *необъяснимой* и, как таковая, *враждебной и вредной для человечества*. Наука <...> не признает Гулливера за факт <...> Гулливер не что иное, как *миф, легенда* <...> Гулливер не существовал никогда» [4, с. 307]. Объектом иронии и сарказма в фельетоне являются также и «интеллигентные» мещане и обыватели, — многочисленные «ценители и почитатели» («лилипуты»), набивающиеся в его «близкие друзья» и примеривающиеся «на своих высоких каблуках» [4, с. 306] (ср. «Тирания мелочей...» (1902)) к величию и славе покойного.

Примечательно, что никто из «друзей» Гулливера в своих лживых панегириках умершему не затрагивал «те пункты, которых не должны касаться ораторы: нельзя говорить о новой монетной системе, нельзя трактовать вопроса о канале на юго-востоке Лилипуты, нельзя касаться угреватого носа генерал-адмирала <...> нельзя вспоминать того неприличного способа, каким Гулливер потушил пожар, и проч. и проч.» [4, с. 309] (ср. перечень «запрещений» для выступающих на траурных собраниях, посвященных памяти Толстого). Одно только «чтение запрещенных пунктов заняло *около часа*» [4, с. 309], — саркастически иронизирует Андреев. Для усиления эффекта осмеяния нелепых претензий российских «лилипутов» на роль истинных друзей «Гулливера», Андреев использует реминисценции из Гоголя и Салтыкова-Щедрина («Нос», «История одного города»): «Чем кончилось торжество, неизвестно, так как в этом

месте и в природе и в тогдашних хрониках наступает тьма» [4, с. 310].

Однако было бы ошибочно считать «Смерть Гулливера» «чистой сатирой», стремящейся только к разоблачению и осуждению. Как и в новеллах и повестях Андреева, где *нелепое* сопрягалось с *трагическим и ужасным* («Красный смех» и т.п.), в фельетоне высокий трагический пафос, ощущение невосполнимости утраты, скорбь подлинных почитателей и ценителей Л. Н. Толстого, величие и масштабность его личности и таланта, запечатлены в финале произведения, представляющем лирическую миниатюру и раскрывающем второй, *символический* план произведения [4, с. 310–311]. Мир красоты и гармонии в природе (и в душах искренне скорбящих о Гулливере) противопоставлен хаотически-абсурдной цивилизации его мнимых друзей.

В итоге, в финале произведения, «вечная» тема несоизмеримости великого человека и его окружения, гения и толпы, таланта и поклонников, из аллегорической трансформируется в *вечный символ* непостижимости самой природы творческой гениальности. Человек-Гора (Толстой) оказывается не «сверхчеловеком» (для лилипутов Гулливер — «сверхчеловек» в прямом смысле), а *вечным образом* одиночества и непонятости творца. «Он не был *сверхчеловеком*, и это радостно» [8, с. 79], — такими словами хотел завершить Андреев свою «Речь о Толстом». «Смерть Гулливера», наряду с памфлетно-сатирическим, *смеховым началом*, обнаруживает и *лирико-философский* аспект осмысления «толстовской» темы (защита «просто человеческого» от «сверхчеловеческого»), позднее продолженной Андреевым в мемуарном очерке «За полгода до смерти» (1911).

Таким образом, на протяжении всего творческого пути Андреев продолжал традиции и новаторство великого английского сатирика, что позволяет сделать вывод о его особой значимости для писателя. Это подтверждает актуальность изучения специфики художественного мира Леонида Андреева, а также его влияния на литературный процесс XX столетия.

Литература

1. Московкина И. И. Между «pro» и «contra»: координаты художественного мира Леонида Андреева: монография. Х.: ХНУ им. В. А. Каразина, 2005. 288 с.
2. Смоголь Н. Н. Автор, имя, псевдоним, маска в публицистике Леонида Андреева / Юбилейная междунар. конф. по гуманитарным наукам: материалы. Орел, 2001. Вып. 2: Л. Н. Андреев и Б. К. Зайцев. С. 48–54.
3. Телятник М. А. Фельетоны Л. Н. Андреева в газете «Курьер» (1900–1903): специфика жанра, проблематика, поэтика, стиль: дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2012. 230 с.
4. Андреев Л. Н. Полное собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1913. Т. 6. 368 с.
5. Бретон А. Антология черного юмора. М.: Carte Blanche, 1999. 544 с.
6. Афонин Л. Н. Леонид Андреев: критико-биограф. очерк. Орел: Кн. изд-во, 1959. 224 с.
7. Андреев Л. Н. Письма к А. П. Алексеевскому / публ. и примеч. В. Н. Чувакова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 г. Л., 1979. С. 178–192.
8. Беззубов В. И. Леонид Андреев и традиции русского реализма. Таллин: Ээсти раамат, 1984. 336 с.